

СВОЙСТВО СОЛНЦА

Девочке с воздушными шарами

Я выхожу воспитывать шаги
по твердым улицам,
учиться слушать:
поют дома архитектурный гимн,
поют, как грушевых деревьев груши.

Я выхожу воспитывать глаза
по облакам,
их нежности учиться —
сорвется с солнца белая слеза,
слегка задерживаясь на ресницах...

Так возникает розовый пожар —
горит граница
смерти и бессмертья.
А жизнь, она — дежурный дирижабль,
зависимый от направленья ветра.

О ВЕСНЕ

Живем, не удивляясь тараканам,
словам неразговорчивого крана,
и с пепельницы стряхиваем снег
к пустому разговору о весне,

но к полному молчанию свободы
дождей, пока их выпишут к апрелю —
так капельницы катятся в больницах.

И прыгают афганские синицы
по веткам однокомнатных деревьев.

И жизнь у нас единственная вроде...

Сойти с ума — приблизиться к природе.

Амангельды Азаматович Рахметов родился в 1995 году в городе Уральске. Окончил Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». Принимал участие в областном совещании молодых литераторов (г. Воронеж). Публиковался в журналах «Подъем», «Простор», «Молоко», «Камертон». В 2019 году издал книгу «Почти». Живет в городе Шымкенте.

ХУДОЖНИК

Все происходит, как художник
рисует время на запястьях,
а вся оставшаяся
кожа —
для кочевого постоянства.

Спина — бескрайние устюрты,
и путь назначен — позвоночник,
где, кроме ног,
опухнут юрты
у каждой позвоночной кочки.

И не умрет степная птица —
еще не выдуманы стрелы —
но выгибаются
ключицы,
как рукоять тугого тела.

ОБЛАКА ГОВОРИЛИ...

Мы меняем души, не тела...
Н. Гумилев

Еще не дождь — предчувствие дождя.
До поцелуя
долгие прогулки
от шумных улиц
к тихим переулкам
и снова к шуму, к площади вождя.

И ждать твое присутствие не странно,
еще не хочется
так сильно жить —
смотреть на время,
как оно дрожит
магнитной тягой стрелки Адрианова.

Еще не звук, не музыка, всего лишь
односторонних знаков
разговор,
и я еще —
не настоящий вор
твоих занятий — в жизни не догонишь...

Но грянет дождь индийскими слонами,
и будет топот
облаком сплошным,

и наши тени
тенью завершит,
как губы завершаются словами!

Уже не дождь, но запах молока
и книги недочитанной,
с негромкой
закладкой между огненными
строками
столпа о памяти, а память — облака.

О ПРОСТРАНСТВЕ

Взгляни на угол под другим углом,
каким-то чудом
чудо происходит.
Углом оказывается твой дом,
и ты — как колокольчики на входе.

Колелешься, но создаешь уют
незванным зрением,
непьяным пьяницей.
Так видят сны и больше придают
значенья снам, что с четверга на пятницу.

Так птицы крутят против часовой —
охранники свободы
заклучают
чужое слово по своей кривой,
касательной к кольцу — кольцу с ключами.

Ключи утеряны. И кольца на-
деваются на безымянный ради
любви.
Становится страной — страна,
прекрасная страна чужого взгляда.

В ОЖИДАНИИ ВРАЧА

На прохладной и черной земле,
как деревьям по кольцам,
по слухам,
нам исполнилась тысяча лет,
прежде чем мы проснулись от стука
долгожданных гостей из других
измерений.

Как свет городских
фонарей: мы проснулись впервые
в рыбьем веке, как рыба икра —
или длинные тени преград
наших первых свиданий есть вывих
наших глаз,
у судьбы — не суставы.

Мы проснулись от стука, и встали,
и пустили гостей измерений.

Я спросил одного:
— Вы не врач?
— Нет, — ответил он скромно, — не врач,
я учитель пения.

СОНЕТ

Памяти Дамира Рыскулова

Ты говорил о приближении конца,
когда два зеркала, два хрупких близнеца,
тебя в свое пускали отражение.
Так появлялись трещины в одном,

И отражало смерти приближение
другое зеркало — они вдвоем
твою судьбу, как лошадь за поводья,
тянули от и в сторону свободы.

Вот пролетела временная птица,
вот временная рыба проплыла...
Вот горизонт и горы, как белье.

Так нарисуй на камне два крыла
и брось его. Пока не приземлится,
пусть летает. Каждому свое!